

FJODOR VINOKUROV
Tartu Ülikool

О РЕДАКТОРСКОЙ И АВТОРСКОЙ МИСТИФИКАЦИЯХ: ПУБЛИКАЦИЯ РОМАНА *МЫ* В «ВОЛЕ РОССИИ»

У замятинского романа весьма примечательная издательская история. Впервые он был опубликован по-английски в 1924 г. нью-йоркским издательством Dutton & Co¹ (книга поступила в продажу в первых числах января 1925 г.). С 9 октября по 21 декабря 1926 г. текст публиковался по-чешски в утренних выпусках газеты «Lidové noviny»² (в сентябре 1927 г. Aventinum выпустил этот перевод отдельным изданием³). В 1929 г. роман вышел по-французски⁴. При жизни автора текст так и остался неопубликованным полностью по-русски⁵. Однако в промежутке между чешскими публикациями в № 2–4 (февраль–апрель) пражского журнала политики и культуры «Воля России» за 1927 г. были напечатаны по-русски «извлечения из романа»⁶.

¹ E. Zamiatin, *WE*, пер. G. Zilboorg, E.P. Dutton & Company, New York 1924.

² E. Zamjatin, *MY. Román*, пер. V. Koenig, «Lidové noviny» 1926, № 510, с. 7; № 512, с. 7; № 515, с. 5; № 517, с. 5; № 519, с. 5; № 521, с. 7; № 523, с. 7; № 525, с. 5; № 528, с. 5; № 530, с. 5; № 532, с. 5; № 534, с. 5; № 536, с. 7; № 538, с. 7; № 541, с. 5; № 543, с. 5; № 545, с. 7; № 547, с. 7; № 549, с. 7; № 552, с. 5; № 554, с. 5; № 556, с. 5; № 558, с. 7; № 560, с. 7; № 563, с. 5; № 565, с. 5; № 567, с. 5; № 569, с. 7; № 571, с. 7; № 573, с. 7; № 576, с. 5; № 578, с. 5; № 580, с. 5; № 582, с. 7; № 584, с. 7; № 586, с. 7; № 589, с. 7; № 591, с. 5; № 593, с. 5; № 595, с. 7; № 597, с. 7; № 599, с. 7; № 602, с. 5; № 604, с. 7; № 606, с. 5; № 608, с. 5; № 610, с. 7; № 612, с. 7; № 615, с. 5; № 617, с. 5; № 618, с. 5; № 620, с. 5; № 622, с. 7; № 624, с. 7; № 627, с. 5; № 629, с. 5; № 631, с. 7; № 633, с. 5; № 635, с. 7; № 637, с. 7; № 640, с. 5.

³ E. Zamjatin, *MY*, пер. V. Koenig, Aventinum, Praha 1927.

⁴ E. Zamiatine, *Nous Autres*, пер. V. Cauvet-Duhamel, Gallimard, Paris 1929.

⁵ Полный русский текст был издан только в 1952 г.: Е. Замятин, *МЫ*, Издательство имени Чехова, Нью-Йорк 1952.

⁶ Е. Замятин, *Мы*, «Воля России» 1927, № 2, с. 3–33; № 3, с. 3–32; № 4, с. 3–28.

О РЕДАКТОРСКОЙ И АВТОРСКОЙ МИСТИФИКАЦИЯХ...

Начало публикации сопровождало примечание от редакции, объясняющее причины, побудившие ее опубликовать этот текст:

Одно из интереснейших произведений современной русской литературы, роман Е. Замятина *Мы*, изображающий жизнь людей в 26-м веке, до сих пор еще не появлялся... на русском языке. Желая ознакомить читателей «Воли России» с романом, мы воспользовались тем, что в газете «Лидовы Новины», издающейся в г. Брно, помещен чешский перевод *Мы*. С любезного согласия редакции, помещаем извлечения из романа. Для большей точности и приближения к подлиннику, мы постоянно слыхали чешский перевод с английским, вышедшим в 1925 г. в Нью-Йорке⁷.

Обратим внимание на два важных момента. Первый связан с авторскими правами и разрешением на публикацию⁸. Поскольку предусмотренной чехословацким и советским законодательством юридически гарантированной взаимности в защите прав иностранных авторов не существовало, то юридически владельцем авторских прав на текст в Чехословакии был сотрудник газеты «Lidové noviny» Вацлав Кениг (Václav König), переведший текст на чешский⁹.

Второй момент связан с источником наборного текста. Редакция информировала (не очень внятно), что данный текст представляет собой обратный перевод с чешского, дополнительно выверенный еще и по американскому изданию. Определение «перевод» при этом использовано не было.

⁷ Е. Замятин, *Мы*, «Воля России» 1927, № 2, с. 3.

⁸ На момент публикации авторские права на территории Чехословакии регулировались *Законом об авторском праве на литературные, художественные и фотографические произведения (Zákon o původském právu k dílům literárním, uměleckým a fotografickým (o právu autorském)*, 218/1926 Sb.) от 24 ноября 1926 г.; на территории СССР — Постановлением ЦИК и СНК СССР *Об основах авторского права* от 30 января 1925 г.

⁹ Сходным образом обстояла ситуация с авторскими правами на роман в США. Кроме условия взаимности, американский *Закон об авторском праве (Copyright Act)*, действовавший с 1909 г., в числе обязательных условий требовал сопровождения публикации произведения иностранного автора знаком копирайта и государственной регистрации, что обеспечивало произведению защиту данным законом сроком на 28 лет с правом однократного продления на аналогичный срок. После того как по настоянию издательства Dutton Замятин предоставил права на перевод и авторизацию Грегори Зильбургу, издательство 22 декабря 1924 г. зарегистрировало авторские права на перевод. См.: *Catalogue of Copyright Entries. Part 1. Books, Group 1, New Series*, vol. 21, Government Printing Office, Washington 1925, с. 1400.

После начала кампании против Бориса Пильняка и Евгения Замятина в сентябре 1929 г. Марк Слоним, один из редакторов «Воли России», инициировавший публикацию¹⁰, «по поручению редакции» поместил в берлинской газете «Руль» открытое письмо, в котором еще раз изложил историю появления русской журнальной вверсии. Основной задачей Слонима было объяснить кажущийся неправдоподобным советской критике парадокс, каким образом публикация в «Воле России», являясь юридически законной, могла при этом появиться без ведома и разрешения автора:

В 1927 году «Воля России» действительно поместила отрывки из романа *Мы*, воспользовавшись любезностью чешской газеты «Лидове Новины», издающейся в Брно и печатавшей чешский перевод романа. Перепечатку эту из брненской газеты редакция «Воли России» сопроводила соответствующим примечанием, указавшим, каким образом журнал получил возможность ознакомить своих читателей с произведением, не появившимся еще на русском языке. Лица, ведущие в настоящий момент кампанию против Замятина, отлично знают, что речь идет именно о перепечатке, но предпочитают умолчать об этом в силу демагогических и иных соображений и все дело изображают так, точно Замятин сам дал свой роман «Воле России»¹¹.

Слоним обозначил, что владельцем авторских прав на текст является редакция брненской газеты, которая и дала разрешение на публикацию, Замятин же не имеет к этому отношения:

¹⁰ Ср. фрагмент письма Слонима Сергею Постникову от 23 декабря 1926 г.: «Пожалуйста, вышлите начало *Мы* — хочется все [курсив автора — F.V.] напечатать, пожалуй, не стоит брать только отрывки. Пошлите в адрес Сталинского [...]». Цит. по: Р. Янгиров, «Заветный друг» Евгения Замятина. Новые материалы к творческой биографии писателя, «Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры» 1996, т. II, № 2, с. 486. О давности интереса Слонима свидетельствует упоминание романа в обзорной статье, посвященной новинкам литературы в Советской России (середина сентября 1922 г.): «Замятин — крепкий, сильный писатель. У него сжатый экспрессионистский стиль и ядреный, народный язык. Он не только беспощадный и умный сатирик (достаточно вспомнить его сказки в 'Петербургском Сборнике 1922' и др.), но и художник, умеющий и построить роман (*Мы*) и передать тонкие переживания любви (рассказы *Землемер* и *Чрево* изд. 'Эпоха' Птб.)». М. С.[лоним], *Литературный обзор (Вместо рецензий)*, «Воля России» 1922, № 1, с. 86–87. О выходе романа упоминалось также в октябрьском номере издаваемого Слонимом критико-библиографического журнала «Новости литературы»: «Новый роман Е.И. Замятина *Мы* выходит в изд. 'Алконоста'. [Б.п.], *Книжное дело. В России — За рубежом*, «Новости литературы» 1922, № 2, с. 108.

¹¹ М. Слоним, *Письмо в редакцию*, «Руль» 1929, № 2679 (18 сентября), с. 5.

О РЕДАКТОРСКОЙ И АВТОРСКОЙ МИСТИФИКАЦИЯХ...

Мы до сих пор предполагали, что ответственность за эти перепечатки несет редакция журнала, к которой и могут быть предъявлены претензии материального или иного характера, но мы отказываемся понимать, каким образом кара за перепечатки падает на авторов перепечатываемых произведений¹².

Поэтому утверждение Джулии Куртис (Julie Curtis), что редактор признал публикацию «актом литературного пиратства»¹³, не совсем корректно, поскольку Слоним неоднократно обращал внимание на то, что формальное разрешение от правообладателя было получено.

Кроме того, Слоним несколько раз подчеркнул (и снова не очень внятно), что опубликованный текст является обратным переводом с чешского, предпочтя, однако, использовать более расплывчатое определение «перепечатка», а не более конкретное — «перевод».

В предисловии 1959 г. к переизданию романа в Америке Слоним рассказал подлинную историю публикации:

In 1927, while serving as literary editor of *Volia Rossii*, an emigré monthly published in Prague, I got hold of the Russian manuscript of *We* by Eugene Zamiatin. [...] Since it had never appeared in Russian, I jumped at the opportunity of offering *We* to our readers, but I was afraid that this might create trouble for the author who lived in Leningrad and obviously was not a favorite with Communist authorities. The novel was about to be translated into Czech, and I pretended that we were retranslating it from the Czech version. To give weight to this assertion, which was stated in the introductory note preceding the text in our magazine, I purposely changed or reworded quite a few passages of the original — and I must say that crippling and distorting Zamiatin's concise and beautiful prose made me feel like a criminal¹⁴.

¹² Там же, с. 5.

¹³ Дж. Куртис, *История издания романа «Мы», переводы и публикации* // Е. Замятин, *Мы. Текст и материалы к творческой истории романа*, Издательский дом «Мирь», Санкт-Петербург 2011, с. 514.

¹⁴ M. Slonim, *Preface* // E. Zamiatin, *We*, пер. G. Zilboorg, E.P. Dutton, New York 1959, с. xxi. Пер.: «В 1927 году, когда я был литературным редактором в журнале 'Воля России', эмигрантском ежемесячнике, который печатался в Праге, мне в руки попала рукопись романа *Мы* Евгения Замятина на русском языке. [...] Поскольку до этого роман ни разу не издавался по-русски, я так и ухватился за возможность предложить его вниманию наших читателей. Однако я опасался того, что публикация романа могла повредить автору, жившему в Ленинграде и, очевидно, не ладившему с коммунистической властью. Роман собирались перевести на чешский язык, и я сделал вид, что мы делали обратный перевод с чешского. Чтобы придать вес этому утверждению, сформулированному во вступительной

Здесь впервые была использована формулировка «обратный перевод» (we were retranslating) и одновременно делалось заявление, что это — мистификация, целью которой было обезопасить автора романа от негативной реакции со стороны советских властей, поскольку в 1924 г. роман был окончательно запрещен к публикации в СССР. Для создания эффекта обратного перевода в оригинальный русский текст редактором были внесены вынужденные искажения.

Если в печатных выступлениях конца 1920-х гг. Слоним говорил о публикации отрывков, то теперь — всего романа, пусть и с сокращениями. Получила ли данная публикация одобрение от автора, Слоним не уточнял.

В позднем мемуарном тексте, оставшемся неопубликованным, Слоним вновь обращается к этой истории:

[...] я был литературным редактором пражского ежемесячника «Воля России» и в 1927 году напечатал в нем почти весь роман Замятина *Мы*, а два года спустя, во время жестокой травли писателя, напостовцы и прочие охранители в СССР выдвинули это чуть ли не как главное обвинение против врага народа: Замятин-де сотрудничает в эмигрантском белогвардейско-эсеровском органе¹⁵. [...] И сам Замятин, и редакция «Воли России» настаивали, что роман *Мы* появился в журнале без ведома автора, но все эти опровержения, конечно, не помогли¹⁶.

Если суммировать ранние и поздние свидетельства редактора «Воли России», то публикация романа (или его фрагментов) в журнале была осуществлена по инициативе Марка Слонима без ведома автора, но с разрешения владельца прав на рукопись в Чехословакии — редакции газеты «Lidové noviny». Для придания публикации дополнительной легитимности она позиционировалась как обратный перевод с чешского.

заметке к публикации текста романа в нашем журнале, я умышленно изменил и переписал несколько фрагментов оригинала и должен признать, что эта порча и искажение прекрасной и лаконичной замятинской прозы сделала меня преступником в собственных глазах». Цит. по: М. Слоним, *Предисловие [ко второму изданию]*, пер. В. Савицкая // Е. Замятин, *Мы. Текст и материалы...*, с. 313.

¹⁵ Цит. по: Дж. Куртис, *[Комментарии к:] М. Слоним, Предисловие [ко второму изданию]* // Е. Замятин, *Мы. Текст и материалы...*, с. 450.

¹⁶ Цит. по: Дж. Куртис, *История издания романа...*, с. 517.

* * *

А теперь сравним редакторскую версию с авторской. В ответ на обвинения, содержащиеся в статье Бориса Волина *Недопустимые явления*¹⁷, 8 сентября 1929 г. в письме из Отуз Замятин в первый раз изложил свое видение событий:

Волин забыл сказать, что о напечатании романа *Мы* в «Воле России» он вспомнил с запозданием года на два с половиной (роман — точнее: отрывки из романа — появились в «Воле России» весной 1927).

И, наконец, забыл Волин сказать о редакционном предисловии «Воли России», информирующем читателя, что отрывки из романа *Мы* печатаются в переводе с чешского.

Сведения об этом я получил от товарищей, имевших случай читать «Волю России». Сам я этого журнала не видел и не знаю, что получилось из перевода русского романа с чешского на русский? Но что бы ни получилось, при наличии самой скромной логики ясно, что такая операция над художественным произведением не могла быть сделана с ведома и согласия автора. Скажу больше: автором была сделана попытка эту операцию приостановить, но к сожалению — безуспешно¹⁸.

12 сентября 1929 г. Замятин дополнил и более подробно раскрыл эти положения в обращении к правлению Ленинградского отдела Всероссийского союза писателей (ЛО ВСП):

1) Летом 1927 г. по моей просьбе И.Г. Эренбург написал в редакцию «Воли России» письмо с требованием от моего имени — прекратить печатание отрывков из романа *Мы*.

2) Тогда же аналогичное требование было по моей просьбе передано «Воле Р.» М.Л. Слонимским, ездившим в 1927 году за границу. М.Л. Слонимский позже сообщал мне, что «Воля России» не считает возможным прекратить печатание отрывков из моего романа.

3) То обстоятельство, что по заявлению «Воли России», отрывки из романа *Мы* печатались там в переводе с чешского, исключало всякую возмож-

¹⁷ О романе *Мы* Волин писал следующее: «Этот роман Замятина оказался неприемлемым для советской литературы. Но то, что неприемлемо для литературы Советского Союза, оказывается весьма приемлемым для эсеровской эмиграции. И роман Замятина *Мы* нашел свое достойное место на страницах эмигрантского журнала 'Воля России'. Мы что-то не слыхали и про Замятина, чтобы он где-либо отмежевался от этого сотрудничества с эмигрантской эсеровщиной и опротестовал издание своего романа за границей». Б. Волин, *Недопустимые явления*, «Литературная газета» 1929, № 19 (26 августа), с. 1.

¹⁸ Цит. по: А. Галушкин, *Из истории литературной «коллективизации»*, «Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры» 1996, т. II, № 2, с. 449–450.

ность предположить, что это происходит с моего согласия; [...] я и предпочел менее платоническую меру — протест, непосредственно направленный в «Волю России» [...]»¹⁹.

21 сентября писатель отправил Константину Федину копию этого текста, сопроводив ее адресованным лично Федину письмом с разъяснениями ряда пунктов «официального» заявления. К «официальному» письму прилагался первый вариант *Письма в редакцию* от 8 сентября.

Финальной авторской версией изложения событий стало опубликованное в «Литературной газете» от 7 октября 1929 г. *Письмо в редакцию*:

4) Весной 1927 года отрывки из романа *Мы* появились в пражском журнале «Воля России». И.Г. Эренбург, письмом из Парижа, по-товарищески предупредил меня об этом. Так впервые я узнал о своем «поступке».

5) Тогда же, летом 1927 года, Эренбург, по моей просьбе, отправил в редакцию «Воля России» письмо с требованием от моего имени — прекратить печатание отрывков из *Мы*. Аналогичное требование было переслано «Воле России» от моего имени также и еще одним из советских писателей, бывшим тогда за границей. Считаться с этими моими требованиями «Воля России» не пожелала.

6) От Эренбурга я узнал и еще одно: напечатанные в «Воле России» отрывки из *Мы* были снабжены предисловием, информирующим читателя, что роман печатается в переводе с чешского на русский. Сам я не видел «Воли России» и не знаю, что получилось из этого перевода русского романа с иностранного языка обратно на русский. Но что бы ни получилось, при наличии самой скромной логики ясно, что такая операция над художественным произведением не могла быть сделана с ведома и согласия автора. [...] И, наконец, Волин забыл сказать о редакционном предисловии «Воли России», из которого явствует, что отрывки из романа печатаются без моего ведома и согласия²⁰.

Свидетельства Замятина тоже едва ли можно считать исчерпывающим и объективным изложением фактов, учитывая ситуацию, в которой они писались. Обратим внимание на то, как тщательно Замятин отбирает аргументы для своей защиты, манифестируя в преамбуле письма, что «факты — упрямы, они упрямее резолюций, каждый из них может быть подтвержден документами или людьми»²¹.

¹⁹ Цит. по: А. Галущкин, *Из истории литературной...*, с. 450–451.

²⁰ Е. Замятин, *Письмо в редакцию*, «Литературная газета» 1929, № 25 (7 октября), с. 4.

²¹ Там же.

О РЕДАКТОРСКОЙ И АВТОРСКОЙ МИСТИФИКАЦИЯХ...

Однако информация, приведенная в большинстве пунктов, оказывается или ловко модифицированной²², или же неподтвержденной документально, а потому не поддающейся проверке. Писем Ильи Эренбурга и Михаила Слонимского не сохранилось, и есть основания сомневаться в их существовании²³. Кроме того, из изложения следует, что требование запретить публикацию последовало летом 1927 г., т.е. после того, как публикация уже была завершена. Утверждая, что незнаком с публикацией в «Воле России», Замятин тем не менее почти дословно воспроизвел содержание редакционного примечания к публикации.

Иными словами, Замятин для своей защиты использует сходную со Слонимом тактику, представляя не факты, а фактоиды — единицы информации ненадежной (неподтвержденной или непроверяемой).

Согласно версии Замятина, редакция «Воли России» осуществила публикацию фрагментов романа в обратном переводе с чешского, не поставив в известность автора и проигнорировав его запрет, переданный через Эренбурга и Слонимского.

* * *

На поверку свидетельства обеих сторон оказываются мистификацией. Подтверждением этому служит сравнение текста русской публикации в «Воле России» с чешской публикацией в газете «*Lidové noviny*» и единственной машинописью романа, сохранившейся в архиве писательницы и переводчика Ирины Куниной-Александр²⁴.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление о рукописях романа. Замятин в своих заявлениях несколько раз упоминал о рукописи для берлинского издательства Зиновия Гржебина:

²² См. об этом подробнее в нашей статье: Ф. Винокуров, *Письмо Е. Замятина в редакцию «Литературной газеты»: из комментария // Т. Гузаиров, О. Ягинцева (ред.), Русская филология. 21: Сборник научных работ молодых филологов, Tartu Ülikooli Kirjastus, Тарту 2013, с. 98–105.*

²³ Ср.: «Факт его [Эренбурга — F.V.] и М.Л. Слонимского участия в хлопотах о прекращении печатания *Мы* в журнале 'Воле России' документального подтверждения не имеет». А. Галушкин, *Из истории литературной...*, с. 471.

²⁴ Е. Замятин, *Мы. Роман [машинопись]*, M.E. Grenander Department of Special Collections & Archives, University Libraries, University at Albany, State University of New York, Irina Kunina Aleksander Papers, Box 1.

[...] Рукопись романа *Мы* в 1920 или 1921 году была отправлена мною [...] в Берлин, Т.К. тогда предполагалось одновременное издание романа изд-вом Гржебина в Берлине и тем же изд-вом (или изд-вом «Алконост») в Петрограде [...]. В 1924 году по этой рукописи был сделан английский перевод романа (вышел он в конце 1925 года), затем — чешский (вышел в 1926 или в начале 1927 года)²⁵;

[...] В 1921-ом рукопись романа была отправлена [...] в Берлин, издательству Гржебина. Это издательство имело тогда отделения в Берлине, Москве и Петрограде, и с издательством я был связан договорными отношениями. [...] В конце 1923-го года копия этой рукописи была передана издательством для перевода романа на английский язык (вышел этот перевод только в 1925 г.) и затем — на чешский²⁶.

Существование этой рукописи вызывает серьезные сомнения²⁷. С учетом того, что роман был закончен только в мае 1922 г., рукопись могла оказаться в Берлине не ранее лета 1922 г., куда ее привез Самуил Алянский, владелец издательства Алконост²⁸. Вероятно, не имея возможности опубликовать роман в своем издательстве, Гржебин переуступил права на него Алянскому. Эта возможность была предусмотрена типовым контрактом, заключаемым издателем с авторами²⁹. Как следует из письма

²⁵ Цит. по: А. Галушкин, *Из истории литературной...*, с. 451.

²⁶ Е. Замятин, *Письмо в редакцию...*, с. 4.

²⁷ Об этом см. подробнее: Ф. Винокуров, *Вхождение в литературу романа Е. Замятина Мы (март 1921 — октябрь 1922)* // Л. Киселева (ред.), *Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VII (Новая серия)*, Tartu Ülikooli Kirjastus, Tartu 2009, с. 253–254; того же, *Письмо Е. Замятина...*, с. 101–103.

²⁸ Ср. в письме Замятина Федину от 21 сентября 1929 г.: «[...] вспомнил, что рукопись *Мы* по моей просьбе отправлял с Ленинградского [sic!] почтамта Алянский [курсив автора — F.V.] — вероятно, он тоже это помнит». Н. Федина (публ.), «Мне сейчас хочется тебе сказать...». *Из переписки Бор. Пильняка и Евг. Замятина с Конст. Фединым*, «Литературная учеба» 1990, кн. 2, с. 82.

²⁹ Приведем, например, соответствующие фрагменты договоров Гржебина — с Мережковским об издании трилогии *Христос и Антихрист*, *Вечных Спутников* и *Античных трагедий* (31 декабря 1918 г.): «[...] Гржебину предоставляется право передавать свои права по настоящему договору и в полном объеме лишь другим лицам по его, Гржебина, усмотрению, но лица, которым Гржебин переуступает свои права, не имеют права без соглашения с Мережковским совершать дальнейшие передачи» (цит. по: Е. Динерштейн, *Синяя птица Зиновия Гржебина*, Новое литературное обозрение, Москва 2014, с. 298–299); с Сологубом об издании его книг *Канун* и *Голубое небо* (31 марта 1919 г.): «[...] Гржебину предоставляется право передавать свои права по этому договору, полностью или частями, другим лицам по усмотрению Гржебина» (цит. по: там же, с. 194); а также фрагмента проекта договора

Алянского Замятину от 17 октября 1922 г., он не только располагал рукописью романа, но и по просьбе автора отправил копию в Нью-Йорк для американского издания³⁰.

После прекращения деятельности издательства Алконост (середина июня 1923 г.³¹) берлинская рукопись (или ее копия) оказалась на хранении у Николая Голуба³², а с конца 1924 г. — у переводчика Дмитрия Уманского³³.

В середине мая 1925 г. к Замятину с просьбой переслать через Уманского копию рукописи романа для устройства французского перевода обратился Эренбург³⁴. Несмотря на неоднократные обещания³⁵, Уманский тянул с отправкой копии³⁶, поэтому она

Гржебина с Замятиным об издании повести *Север* в составе «Петербургского альманаха» (16 мая 1919 г.): «[...] Гржебину представляется право передать настоящий договор другим лицам по его, Гржебина, усмотрению» (ИМЛИ, ф. 47, оп. 2, ед. хр. 51).

³⁰ См. постскрипtum Алянского к указанному письму: «В Нью-Йорк отослал». ИМЛИ, ф. 47, оп. 3, ед. хр. 26.

³¹ См. дневниковую запись Александра Кроленко от 18 июня 1923 г.: «Алянский С.М. сообщает, что издательство 'Алконост' свою деятельность прекратило и сам он принял должность заведующего книжным магазином 'Русско-германская книга'. ОР РНБ, ф. 1120, ед. хр. 265, л. 79. Имеется в виду Северо-западное отделение акционерного общества Международная книга.

³² Николай Софронович Голуб, физик по образованию, выпускник Харьковского университета. Занимался популяризацией науки (см. его публикацию: Н. Голуб, *Галилео Галилей. (Биография)*, «Математическое образование» 1914, № 5, с. 209–222). К началу 1920-х гг. оказался в Берлине, принимал участие в организованной Валерием Карриком акции *Помощь друзьям*, участвовал в переговорах о публикации научной литературы авторов из Советской России в берлинских издательствах (см. письма Голуба академику Владимиру Вернадскому от 25 августа и 5 ноября 1921 г. — Архив РАН, ф. 518, оп. 3, № 436). К Голубу обращался за текстом потенциальный переводчик романа на немецкий Вольфганг Грегер. См. его письма Замятину от 4 и 17 января 1924 г. (ИМЛИ, ф. 47, оп. 3, ед. хр. 65).

³³ Ср. в письме Романа Вальтера Замятину (4 декабря 1924 г.): «[...] немедленно после получения Вашего письма я написал Уманскому в München по Вами указанному адресу, но ответа не получил, точно также и манускрипт Вашего романа я до сих пор от него не получил». ИМЛИ, ф. 47, оп. 3, ед. хр. 51.

³⁴ Ср. в письме Эренбурга от 18 мая 1925 г.: «Напишите немецк[ому] переводчику, чтобы он мне выслал *Мы*». И. Эренбург, *Письма 1908–1967 в 2 т.*, т. 1: 1908–1930. «Дай оглянуться...», Аграф, Москва 2004, с. 431.

³⁵ Ср., например, в письме Уманского Замятину от 26 июня 1925 г.: «На след[ующей] неделе — раньше никак не удалось — в Вене нет почти русской переписчицы!) отдам роман переписать и Эренбургу тотчас же вышлю!». ИМЛИ, ф. 47, оп. 3, ед. хр. 16.

³⁶ См. в письмах Эренбурга Замятину: «Напишите немецк[ому] переводчику, чтобы он выслал рукопись *Мы* [...]» (28 июня 1925 г.). И. Эренбург, *Пись-*

была получена Эренбургом только в начале 1926 г.³⁷ Вероятно, в том же году Эренбург послал копию, снятую с французской рукописи Роману Яacobсону в Прагу для устройства чешской публикации³⁸.

В 1927 г. недовольный Уманским Замятин отказался от его услуг в качестве своего литературного представителя и заключил договор сначала с Семеном Либерманом³⁹, а после возвращения того в СССР летом 1928 г. — с издательством Петрополис⁴⁰.

Летом 1928 г. в связи с подготовкой текстов для авторского *Собрания сочинений* в издательстве Федерация Замятин вновь обратился к роману, осуществив стилистическую правку и переработку текста⁴¹. В середине 1930-х гг. машинопись этого вари-

---

ма..., с. 439–440; «Рукописи от Уманского я так и не получил. Напомните ему» (16 ноября 1925 г.). Там же, с. 470. Ср.: «Д.А. Уманский, очевидно, препятствовал реализации французского предложения точно так же, как годом раньше он поступал с издательствами в Германии». Дж. Куртис, *История издания романа...*, с. 510.

³⁷ И. Эренбург Е. Замятину (12 января 1926 г.): «[...] я получил из Вены рукопись *Мы*». И. Эренбург, *Письма...*, с. 481.

³⁸ Позднее мемуарное свидетельство издателя Отакара Шторха-Мариена (Aventinum) следует признать недостоверным: «Za své návštěvy v Sovětském svazu se s ním sešla ve dvacátém šestém roce paní Naděžda Melniková-Papoušková v Moskvě a přivezla do Prahy jeho román MY, který pak Václav König přeložil pro Aventinum». О. Štorch-Marien, *Ohňostroj. Paměti nakladatele II*, Aventinum, Praha 1992, с. 89–90; пер.: «В свое посещение в Советском Союзе с ним встретила в двадцать шестом году в Москве госпожа Надежда Мельникова-Папоушкова и привезла в Прагу его роман *МЫ*, который затем Вацлав Кёниг перевел для Авентинума» (перевод наш). Надежда Мельникова-Папоушкова посетила Советский Союз только в октябре–ноябре 1927 г., тогда как перевод романа для брненской газеты «Lidové noviny» был выполнен Вацлавом Кенигом уже летом–осенью 1926 г.

³⁹ О Либермане см. подробнее: Б. Фрезинский, *Берлинская жизнь Семена Либермана — поэта, редактора, человека книги и театра*, «Дiasпора. Новые материалы» 2007, вып. VIII, с. 173–210.

⁴⁰ Ср. в письме Замятина Захару Каганскому (19 июня 1928 г.): «До установления связи с Вами — в отношении пьес и с изд[атель]ством *Петрополис* — в отношении беллетристики моим представителем в Берлине был Сем.[ен] Петр.[ович] Либерман [...]». ИМЛИ, ф. 47, оп. 3, ед. хр. 6.

⁴¹ Ср. в *Закулисах*: «Крупных, коренных переделок в написанной вещи у меня почти никогда не бывает. [...] поправки сводятся обычно к переменам в эпитетах, образах, в расстановке слов, в музыке. Каждое переиздание — новая правка, возраст вещи от переделок ее не спасает. Когда прошлым летом я подготовлял материал для *Собрания сочинений* — все вещи были заново пройдены наждаком и пемзой». Е. Замятин, *Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания*, Наследие, Москва 1999, с. 168.

анта была отправлена Замятиным уже из Парижа в Хорватию Ирине Куниной-Александр для предполагаемого издания там. Эта рукопись — единственная, обнаруженная на данный момент прижизненная рукопись романа, на ее основе и была осуществлена первая полная русская публикация 1952 г.

Чешская рукопись до сих пор не обнаружена, однако мы знаем ее характеристики благодаря единственному сохранившемуся письму Якобсона Замятину от 16 августа 1926 г.: «Копия действительно небрежная, но ошибки легко поддаются исправлению, только пропущены слова, написанные латинскими буквами. Поэтому нужен хотя бы экземпляр английской книги»⁴².

Рукопись Куниной-Александр помогает понять, каким образом машинистка (Людмила Усова-Замятина, супруга писателя) пыталась компенсировать отсутствие латинских литер у пишущей машинки с кириллическим шрифтом. Слова *uniforme* (запись 2-я) и *ergo* (запись 12-я) были вписаны от руки, равно как и латинские буквы *S* (записи 2-я, 3-я, 19-я, 25-я, 27-я, 28-я) и *F* (запись 37-я) в именах персонажей. Латинская *R* в имени персонажа R-13 последовательно заменялась кириллической *P*, к которой затем от руки добавлялся диагональный штрих. Латинское *I* в имени I-330 в записях 1-й–3-й было заменено *I* («1-330»), а начиная с записи 4-й было вписано от руки.

Если в чешской газетной публикации большинство пропусков латинских литер в именах персонажей, а также «слов, написанных латинскими буквами», были восстановлены по американскому изданию, то в русской журнальной публикации эти лакуны так и остались незаполненными. Так, из записи 2-й исчезло примечание о юнифах («Вероятно, от древнего 'Uniforme'»), I-330 в записях 1-й–3-й фигурировала как 1-330⁴³ (а O-90 по аналогии стала o-90), R-13 стал P-13, a S-4711 (или S) и вовсе оказался безымянным⁴⁴.

⁴² ИМЛИ, ф. 47, оп. 3, ед. хр. 218; опубл.: Е. Барабанов, *Комментарии // Е. Замятин, Сочинения*, Книга, Москва 1988, с. 526.

⁴³ Это свидетельствует в пользу того, что набор, по крайней мере, первых трех глав осуществлялся только по рукописи, без привлечения чешской или английской публикации.

⁴⁴ В публикации в «Воле России» литера *S* использована только один раз (Запись 2-я), в случае когда лакуна легко восстанавливается по контексту: «[...] неизвестный мне мужской номер — какой-то дважды изогнутый, вроде буквы *S*» (Е. Замятин, *Мы*, «Воля России» 1927, № 2, с. 8). В остальных десяти случаях она оказывается пропущенной (Записи 2-я, 3-я, 19-я, 25-я,

Слово *ergo* было пропущено как в чешской, так и в русской публикациях⁴⁵.

Другим свидетельством того, что набор делался с оригинальной рукописи, является следующий фрагмент записи 31-й:

публикация в «Воле России»

Разве — как у меня сейчас — не кружилась бы у вас голова. *Разве — по спине и рукам — не бежали бы у вас эти жуткие, сладкие ледяные иголки.* Разве не казалось бы вам, что вы — гигант. Атлас — и если распрямиться, то непременно стукнетесь головой о стеклянный потолок?⁴⁶.

рукопись Куниной-Александр

Разве — как у меня сейчас — не кружилась бы у вас голова? *Разве — по спине и рукам — не бежали бы у вас эти жуткие, сладкие ледяные иголки?* Разве н[е] казалось бы вам, что вы — гигант, Атлас — и если распрямиться, то непременно стукнетесь головой о стеклянный потолок?⁴⁸.

чешская публикация

Což by se vám, jako nyní mně, netočila hlava? Což by se vám nezdálo, že jste gigantové, Atlasové, a vzpřímíte-li se, že narazíte hlavou na skleněný strop?⁴⁷.

Как видим, выделенное курсивом предложение, выпавшее из чешской газетной публикации, дословно совпадает с текстом машинописи.

27-я, 28-я): «1-330 уходила вместе с тем мужским номером» (Там же, 9); «[...] этот вчерашний, дважды изогнутой — [...]» (Там же, с. 13); «Я уже не оглядываюсь, знаю кто» (Е. Замятин, *Мы*, «Воля России» 1927, № 3, с. 10); «[...] крылья — уши, темной, двояко-изогнутой петлей отправилось бегущее тело — [...]» (Там же, с. 23); «[...] всего градусах в 10 от меня, остановился, нагнулся» (Там же); «— Вот только сейчас — в толпе...» (Там же, с. 32); «[...] и с ними этот — ну как это... вроде горбатенького... // — !» (Е. Замятин, *Мы*, «Воля России» 1927, № 4, с. 6); «Впереди был — мрачно, молча, [...]» (Там же, с. 7); «Ю подошла сзади к нему, осторожно тронула его за рукав [...]» (Там же); «Заскользил ко мне, [...]» (Там же).

⁴⁵ Ср. с английским переводом: «[...] gods have become like us, *ergo* we have become like gods». Е. Zamiatin, *WE...*, с. 82.

⁴⁶ Е. Замятин, *Мы*, «Воля России» 1927, № 4, с. 13.

⁴⁷ Е. Zamiatin, *MY. Román*, «Lidové noviny» 1926, № 610, с. 7.

⁴⁸ Е. Замятин, *МЫ. Роман [машинопись]...*, л. 108; опубл.: Е. Замятин, *Мы. Текст и материалы...*, с. 259.

О РЕДАКТОРСКОЙ И АВТОРСКОЙ МИСТИФИКАЦИЯХ...

Сравнение журнального варианта с единственной сохранившейся машинописью романа и чешской газетной публикацией показывает, что вопреки заявлению редакции, чешский и английский переводы практически не использовались.

Утверждение Слонима о стилистических «порче и искажении» авторского текста для создания эффекта обратного перевода также является преувеличением. Редакторская правка здесь ограничилась в основном исправлением опечаток, действительных или мнимых, принятых за таковые редактором⁴⁹.

Гораздо более активно редакторский «произвол» проявился в отборе фрагментов для публикации. В трех номерах «Воли России» были опубликованы в общей сложности: записи 1-я, 3-я, 6-я, 12-я, 22-я, 33-я, 37-я–40-я — полностью; записи 2-я, 10-я, 13-я, 19-я, 27-я, 30-я — с незначительными купюрами (пропусками объемом от одного предложения до абзаца); записи 15-я, 18-я, 24-я, 28-я, 31-я — со значительными пропусками. Вероятно, по этой причине Слоним колебался в определении журнальной публикации, называя ее то «отрывками», «извлечениями», то почти полностью напечатанным текстом романа.

Главное же — публикация в «Воле России» является журнальным вариантом-монтажом романа, выполненным Слонимом на основе авторской рукописи. Именно в отборе и компоновке фрагментов проявилось редакторское со-авторство. В основном изменения связаны с исключением фрагментов и сюжетных линий, которые относились к «*Lex Sexualis*» Единого Государства. Так, треугольники I-330 — D-503 — O-90 и D-503 — I-330 — R-13 оставлены в сильно редуцированном виде, а треугольник D-503 — O-90 — R-13 исключен вовсе. Также за рамками публикации оказываются фрагменты, связанные с эротическими обертонами в отношениях D-503 и Ю. Центральной сюжетной линией становятся взаимоотношения строителя «Интеграла» D-503 и женщины-мефи I-330. Благодаря сделанным редактором сокращениям роман Замятина превращается во вполне традиционную трагическую любовную историю в футуристических декорациях (государство побеждает индивида и любовь).

⁴⁹ Например, авторское «обмыслить» (Запись 3-я) было исправлено на «осмыслить» (Е. Замятин, *Мы*, «Воля России» 1927, № 2, с. 12), а «безмысленным» (Запись 25-я) — на «бессмысленным» (Е. Замятин, *Мы*, «Воля России» 1927, № 3, с. 22).

В итоге, публикация в «Воле России», даже с учетом ее специфики, является единственным доступным нам в настоящий момент текстом первой (оригинальной) редакции романа, законченной Замятиным в мае 1922 г., которую до известной степени можно реконструировать с привлечением чешского, английского и французского переводов.

Fiodor Winokurov

ON REDAKTORSKIEJ I AUTORSKIEJ MISTYFIKACJI:
PUBLIKACJA POWIEŚCI *MY* W CZASOPÍSMIE „WOLA ROSSII”

Streszczenie

Publikacja powieści Jewgenija Zamiatina ma interesującą historię. W 1927 roku czasopismo „Wola Rossii” po raz pierwszy opublikowało po rosyjsku „wyjątki” z powieści, które były jakoby retranslacją z przekładu czeskiego. Aby uzyskać efekt retranslacji, zniekształcono oryginalny tekst rosyjski. Redaktor Mark Słonim twierdził później, że podjął taką decyzję, by chronić autora. Z kolei według Zamiatina czasopismo opublikowało tekst nie tylko bez jego zgody, lecz także wbrew jego zakazowi. W rzeczywistości świadectwa obu stron okazują się mistyfikacją. Porównanie wersji w czasopiśmie z maszynopisem i przekładami powieści, które ukazały się za życia pisarza, dowodzi, że wersja ta jest wariantem-montażem, stworzonym przez redakcję na podstawie autorskiego rękopisu z minimalnym wykorzystaniem przekładów, a liczba „redaktorskich zniekształceń” jest w niej niewielka.

Fjodor Vinokurov

ON EDITOR'S AND AUTHOR'S MYSTIFICATIONS:
PUBLICATION OF NOVEL *WE* IN MAGAZINE “VOLIA ROSSII”

Summary

Evgeny Zamiatin's novel *WE* has a notable publishing history. In 1927 exile magazine “Volia Rossii” (Freedom of Russia) for the first time published in Russian “extracts” from the novel, which were pretended to be retranslation back into Russian from Czech newspaper version. For the effect of retranslation forced corruptions were carried in original Russian text. Literary editor Marc Slonim later stated that he was forced to use this subterfuge for author's safety. According to Zamiatin's version magazine made this publication without his permission and against his prohibition. In actual fact evidences of both sides are a mystification. Comparison of publication in magazine with typescript and lifetime published translations of the novel shows that it appears to be a magazine's montage-version created by editorial board based on author's manuscript with minimal use of translations, and amount of “editor's corruptions” there is inappreciable.